

Их шесть. Шесть православных колоколов с длинными трещинами по корпусу. Они находятся на колокольне Никольского храма по улице Труда. Два из них по-прежнему радуют прихожан ярким звоном, а четыре других стоят на полу колокольни. На их месте висят блестящие свежей бронзой, недавно отлитые, колокола. С чистыми голосами, без трещин, без штопок в виде пайки. Старые колокола, созданные в самом начале XX века, не вызывают жалости. От них веет легкой грустью. Как от пожилых людей, достойно живших и спокойно встретивших неизбежное - старость.

ИХ ЗВОН ОХРАНЯЛ ВЕРУ

СУДЬБЫ КОЛОКОЛОВ СРОДНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ

Если бы колокола на Труда умели говорить не только на своем языке, но еще и на человеческом, то каждый из них поведал бы такую историю, от которой сжалось бы сердце самого сурового человека. Шестьдесят лет, изуродованные, стесняясь своего не очень чистого из-за трещин голоса, они все же пели. Как могли охраняли веру. На Руси издревле считается, что колокольный звон отгоняет дьявола. По соседству с ними, с разбитыми православными, висел чугунный колокол из кирхи и еще один, огромный и тяжелый, - то ли китайский, то ли выплавленный в советское время. И не было между ними разногласий. Беда сроднила. Мало их, тех, кто охранял веру, кто звал к Богу, оставалось. Старушки да они - потрескавшиеся и собранные со всего мира колокола.

Колокола, если бы умели говорить, могли бы рассказать об ужасе смерти. Смерти злой и позорной. Как летели они с колоколен под шум толпы. Люди в той толпе шумели по-разному: одни плакали, другие улюлюкали. Так было по всей России, но своя боль запоминается больше. Каждый из них, с трещинами от удара о землю, лежал под наглыми бичующими взглядами, как обнаженный крестянин на барской псарне под кнутом палача. И стыд, и боль.

Вот с колуном в руках подходить самый главный деревенский бахвал. Он и раньше мучил колокола. По Пасхам, когда каждому деревенскому мужику разрешалось звонить. Он с размаху, чтоб показать удаль, бил тяжелым колокольным языком по губам - нижнему утолщенному ободку колокола. На мелодию и перезвон ума не хватало. Вот и сейчас он со всей силы бьет по колоколу обухом топора. И гул - как долгий стон.

- Ты смотри-ка, - насмешливо удивляется он, - не нравится. Только гудит, а не звенит.

Дурак - он и есть дурак. Еще не знает своей судьбы. Не знает, что в течение одиннадцати-двенадцати лет с начала кампании по сбиванию колоколов из каждой сотни таких, как он, храбрецов только десять-пятнадцать останутся в живых.

Лежащий на земле колокол тоже этого не знает. Не знает он и своей судьбы. Ему сейчас так не хватает доброго слова, жалостливого взгляда, ласковой глядящей руки. Те, кто жалеет, они всегда в последних рядах. Они не слабее - они добрее. Но сейчас их доброта и есть слабость. Нет у них нахальства, чтоб растолкать всех, подойти и погладить черный от времени металл, помочь пережить самое трудное - первые минуты беды. Это потом к ней притерпят, потому что время - лучший лекар.

А глухой ночью вдруг зашуршат по сельской пыльной дороге металлические обода ручной тележки, на которой в русских селах вывозят картошку для посадки или навоз со двора, и донесется женский шепот:

- Тише ты, увалень. Увидит кто, осиротим детей. Заберут ведь.

- Скажи спасибо, что без скрипа всю деревню прошли. Полведра дегтя на смазку извел, - беззлобно, тоже шепотом, ответит мужчина.

Добрые и боязливые пришли. Натужась, поднимали пудовые тела колоколов и ставили (чтоб не стучали) на тряпье, разбросанное по деревянному дну тележки. Язык обматывали дерюгой: не дай бог, случайным стоном-звоном разбудит деревню. Брали те колокола, что

Звонарь Сергей Хинич: «Этому 60-килограммовому колоколу больше ста лет. Если бы не трещины, он мог бы еще звонить».

полегче. Благовестники, самые главные колокола, по многу пудов весом, оставляли: не поднять и тележные оси не выдержат. Задами, чтоб даже случайный прохожий не мог вычислить, откуда и куда идут люди, и чтоб по походке не мог узнать (деревенские своих легко определяют), везли колокола к себе домой. Ставили в тайком вырытые ямы и забрасывали землей. На место тайников помещали бочки с водой или поленицы возводили, словно так всегда было.

А у других колоколов судьба складывалась проще и короче. Их везли на колхозные или заводские склады. Затем - в плавильные печи. Из полученной бронзы лили памятники вождям революции.

Пройдут годы. Главный гонитель веры - усатый кавказец, учившийся когда-то в семинарии, разрешит заново открыть некоторые церкви. Началась

страшная война. Тут не до соблюдения идеологических канонов: все, что укрепляло народ и возвращало его к героическим традициям, годилось в дело. Открывались храмы, вспоминались имена прославленных русских полководцев (как на грех, все из дворян), вводились погоны.

В начале сорок четвертого православные жители Омска обратились к властям с просьбой передать им церковь имени Святого Николая Чудотворца, закрытую в сороковом году. Не сразу, но им дали разрешение. И повезли на Труда истерзанные, чудом сохранившиеся колокола. Запайвали трещины на боках, поднимали на колокольни. А имен людей, рисковавших жизнью для их спасения, в документах не останется. Вера православная не приветствует гордыню. А быть может, совершенно из других побуждений не

ЧУГУННЫЙ КОЛОКОЛ

По словам Сергея Хинича, звонаря Никольского храма, на колокольне висел чугунный колокол с латинским шрифтом.

Теперь он находится в одном из сельских приходов. Но, спрашивается, откуда он взялся в Омской области? Ведь до революции чугунных колоколов в России было наперечет. В доступной литературе есть упоминания всего о двух или трех.

Сергей говорит, что ему о том, как на колокольне Никольского храма появился чужеземный колокол, рассказывал протоиерей Владимир, скончавшийся три года тому назад. Христиане из одного омского лютеранского прихода в благодарность за победу над фашистами подарили православным самое дорогое - колокол. Судя по надписи, отлит он в Финляндии.

Кстати, отметим, что никакая из христианских конфессий не запрещает установку «чужих» колоколов в своих звонницах.

рвались хранители колоколов к известности. Сегодня тебе за них спасибо говорят, а завтра на Соловки увезут. Лучше промолчать. Страх - первый враг гордыни.

Но и с открытием церквей унижения колоколов не закончатся. Их постараются сделать слабоголосыми. Прикажут настоятелям забрать проемы колоколен застекленными окнами, глушившими звук и оглушавшими звонарей. Но окна не мешали чудесам. Чудеса же имели массовый характер. Например, колокола перестают звучать должным образом при длине трещины в одну треть корпуса. Колокола же в храме на Труда пели при трещинах намного больших - уходивших под самую верхушку. Куда деваться? Если ты замолчишь, тебя сменить некому.